
М. Буравой
ПОСЛЕДНИЙ ПОЗИТИВИСТ¹
(Перевод с англ.)²

Кто ныне читает Конта? Считающийся основателем позитивизма, Огюст Конт утверждал, что всякое знание движется в своем развитии через три стадии: от теологической через метафизическую к позитивной. Позитивная стадия – это поиск законов и регулярностей, позволяющих людям поставить под свой контроль сначала природу, а затем общество. Сначала появились «самые простые науки» – астрономия, физика, химия и физиология; потом, последней, появилась наиболее сложная из всех наук, социальная физика, или то, что он назвал социологией. Она призвана была стать царицей наук. Так говорил Конт.

Обзор книги «Сталкиваясь с неравным миром: Вызовы глобальной социологии», написанный Петром Штомпкой, мужественно возрождает из пепла контовский взгляд на науку, характерный для XIX столетия, – идею единой универсальной социологии, скроенной по образцу естественных наук, которая, по утверждению Штомпки, стала теперь глобальной. Для Штомпки все, что не дотягивает до «универсальных законов человеческого общества», является ретроградным, т.е. проявлением «антинаучного обскурантизма» – возвратом к метафизике темного Средневековья. Континец до мозга костей, он объявляет социологию наукой, которая «по самой своей природе является элитистской», в которой первую скрипку иг-

¹ Ответ на рецензию П. Штомпки. Опубликовано в рубрике «Спор о международной социологии» в журнале «*Contemporary sociology*»: Burawoy M. The last positivist // *Contemporary sociology*. – L., 2011. – Vol. 40, N 4. – P. 396–404.

² Я хотел бы поблагодарить за комментарии Мау-куэй Чанга и Мишель Фэй-ю Сие. Они были соредакторами трехтомника «Сталкиваясь с неравным миром» (Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010) и организаторами очень захватывающей и продуктивной конференции. Все аудио- и видеозаписи заседаний, а также опубликованные доклады можно найти: <http://www.ios.sinica.edu.tw/cna/index.php>

рают немногие числом «великие ученые», работающие в «великих университетах».

Однако научная мысль со времен Конта продвинулась далеко вперед. Понимание науки, легшее в основу социологии, боровшейся за признание и легитимность, очень отлично от ее понимания, установившегося тогда, когда социология уже утвердилась. В более общем плане последние два столетия стали свидетелями огромных преобразований в практике и самопонимании не только социологии, но и самой науки. Цепляясь за позитивизм XIX в., Штомпка делает себя пленником своих допущений: он путает естественные и социальные науки, глобальное и универсальное, реальное и воображаемое, идеологию и утопию, что ведет к превратному описанию сильной и слабой программ в глобальной социологии. Он призывает к мастерству, а не балансу, и не получает на выходе ни того, ни другого. Он заводит себя в Лаилонию – воображаемую контовскую страну, далекую от планеты Земля XXI в. Запершись там и пытаясь воскресить давно минувшее прошлое, он даже не обращается к книгам, обзор которых он вроде бы пишет.

Мой ответ переносит из воображаемой Лаилонии в реальный Тайвань, где в 2009 г. собрались 60 социологов из 43 стран, чтобы обсудить вызовы глобальной социологии. Тайвань был отличным местом для такого обсуждения; это страна, угодившая в челюсти геополитики, столкнувшаяся с целой чередой колонизирующих держав, страна, где социология была втянута в тяжелые и иногда даже яростные общественные дебаты о национальной идентичности, самобытности, развитии и интернационализации. Если какая-то группа социологов и понимает вызовы глобальной социологии, то это тайваньцы.

Сама конференция прошла при совместной поддержке Международной социологической ассоциации, Тайваньской социологической ассоциации и Academia Sinica, одного из ведущих научных институтов в Азии. Всем 57 национальным ассоциациям – членам МСА было предложено прислать своих представителей (представителям более бедных стран оплачивались расходы), и 29 ассоциаций на это откликнулись. Другие страны были добавлены для обеспечения равного численного представительства от всех трех уровней экономического развития, определенных Всемирным банком. Конечно, с одной стороны, многие страны были при этом не включены, но, с другой стороны, пропорциональное представительство не создавало дисбалансов во влиянии разных стран. Сетования Штомпки на то, что было недостаточно североамериканцев, игнорируют повсеместное влияние социологии США.

Сами тома организованы по регионам, что поражает Штомпку «как странное для книги по социологии». Странно это лишь для того, кто мыслит в терминах универсальных, свободных от контекста законов человеческого общества, кто отрицает географические корни социологии, кто считает несущественным, где и как социология создается, и кто считает

социологию произрастающей из голов великих ученых как бы путем непорочного зачатия, или того, что Пьер Бурдьё (Bourdieu, 1996) зовет харизматической идеологией «творения». Защищая географический отбор, я показываю, насколько прочно социология Штомпки укоренена в его стране, Польше, насколько изучение социологии в разных странах не является ничемным потворством своим слабостям, а вносит вклад в социологию знания и науки, в организационную теорию, а также в культурную и политическую социологию (если назвать лишь четыре подобласти), и, наконец, что самое важное, в какой степени национальные социологии являются необходимым основанием для всякой эмпирически укорененной глобальной социологии.

Наука сегодня

Искажения слишком глубоки, и потому мы должны начать с самого начала. Что сегодня следует понимать под наукой? Утверждение, что любая наука может быть представлена как индуктивный поиск «регулярностей и механизмов» (Штомпка использует это выражение восемь раз), было действительно разрушено разными школами постпозитивистских мыслителей; их список, если брать только недавнее время, может быть начат с Карла Поппера и будет включать таких выдающихся философов, историков и социологов, как Полани, Кун, Лакатос, Фейерабенд, Шапин, Латур и Хабермас. У каждого из нас есть свои фавориты, но все они показывают, что наука не может быть абстрагирована от ее контекста, — она является продуктом своей истории, а также более широкой истории, в которую она вписана, — и, например, что «эвристика» (или то, что другие называют «открытием») и «обоснование» не могут быть четко отделены друг от друга. Проект науки, от эпистемологий до теорий, от методологий до техник, глубоко пропитан тем социальным миром, в котором наука укоренена.

Таким образом, социология науки находится в сердцевине нынешнего понимания науки. Отвергая социологию социологии как «змеею, кусающую собственный хвост», Штомпка упускает из виду простую социологическую истину, что наука, в том числе социология, находится не вне общества, не за пределами социальной детерминации. К естественным наукам это относится не меньше, чем к социальным. Ранние позитивистские философы науки пытались навязать свою конструкцию объективистской, позитивистской науки новым социальным наукам, стремившимся выстроить свое научное реноме, однако никто в установившихся науках не воспринимал их модели всерьез. Одним из важнейших вкладов социологии была демонстрация того, что сама наука есть социальный продукт, и того, как это сказывается на поведении самой социологии.

В числе ранних критиков позитивизма был, среди прочих, Макс Вебер, чью книгу «Методология социальных наук» Штомпка настойчиво

советует нам почитать. И разумеется, ее нужно читать¹. Из нее мы узнаем, что социальных ученых отличает принятие во внимание самопонимания акторов, которых они изучают; и это правило Штомпка из раза в раз нарушает в своем обзоре, отбрасывая социологическое сообщество, состоящее из «неведомых исследователей, до которых никому нет дела». Он даже осуждает своего коллегу, Януша Муху, за то, что тот опирается на польских социологов, неведомых и незначительных, теряя при этом из виду самую суть очерка Мухи, а она в том, чтобы показать, как впечатляющая польская социология росла в диалоге с националистическими движениями, боровшимися против окружающих держав. Придавая вес только «великим ученым», элитистский взгляд Штомпки на науку затушевывает значимость научного сообщества (или латуровской сети акторов) – т.е. науки как коллективного предприятия.

Даже если оставить в стороне отказ от веберовского «понимания», остается тайной, почему Штомпка рекомендует «Методологию социальных наук». Даже самое поверхностное прочтение этого блестящего бесмертного текста показывает, что Вебер радикально отходит от позитивизма, т.е. от допущения, что социальные науки и естественные науки следуют одним и тем же принципам. Вебер пишет, что мы сталкиваемся с миром бесконечно многообразным и что есть два способа осмысленно к этому отнестись: искать регулярности и выводить законы (путь естественных наук), с одной стороны, и принять ориентирующую ценностную позицию по отношению к миру (путь исторических наук) – с другой. Социальные науки, утверждает он, пытаются сочетать объяснение и интерпретацию, но при этом он настаивает, что не может быть социальной науки без ценностной позиции.

Вебер последователен. Поскольку всякое социальное действие имеет ценностную ориентацию, то это должно относиться и к практике социологии. У Маркса есть ценностная позиция, основанная на видении людей богатыми в потребностях и дарованиях родовыми существами; Дюркгейм основывает свою работу на ценности солидарности; сам Вебер в этом отношении не столь ясен, но через все его труды проходит сквозной нитью могущественная приверженность человеческому разуму и свободе. Таким образом, разные ценностные позиции рожают разные исследовательские программы, каждая из которых развивает свой тип социологии. Так, гений Дюркгейма кроется в том, как его озабоченность солидарностью приводит его к переистолкованию само собой разумеющегося и показу того, что разделение труда становится источником солидарности (а не конфликта), что религия является продуктом общества (а не Бога), что самоубийство может быть понято как продукт социальных сил (а не индивидуального

¹ Предположение Штомпки, что я отвергаю классику, – одно из многих его заблуждений. В этом случае он ложно проецирует на меня неверно истолкованную «Южную теорию» Ревина Коннела (Connell, 2007).

расстройства). Разные исследовательские программы предполагают принципиально разные способы видения мира.

Для Вебера множественные ценности – не историческая случайность. Мы живем в расколдованном мире с множеством вер. Современность, по определению, «политеистична». Это мир неподатливых и непримиримых ценностей, заключающий в себе то, что Вебер назвал войной богов. Если ценности лежат в основании наших исследовательских программ (или, как называет это Имре Лакатос, негативной эвристики), то не может быть единой всеобщей социологии, если только, конечно, она не приходит на штыках или из пропагандистской машины, как в случае марксизма-ленинизма.

Национальная основа глобальной социологии

Если нет единой универсальной социологии, то что тогда мы могли бы иметь в виду под глобальной социологией? Согласно Штомпке, исходя из его контовских наклонностей, социология уже полностью глобализована. Но что же собой представляет эта глобализованная социология? Он называет теорию стигматизации Эрвинга Гофмана как релевантную для «остатков кастовой системы в Индии». Неужели? Книга Гофмана о стигме и в самом деле преподносит его драматургический анализ в качестве универсального, уже хотя бы благодаря игнорированию исторического контекста, в частности динамики систем стратификации. Возвращая заявляемую универсальность в ее контекст, Алвин Гоулднер утверждает, что «Стигма», как и другие работы Гофмана, отражает особенности среднеклассового общества США. Ее релевантность для индийских сел спорна. Ее определенно нельзя принимать на веру; она еще нуждается в доказательствах.

Второй пример Штомпки – книга о глобальном потеплении Энтони Гидденса (Giddens, 2009). Но много ли Гидденс знает о воздействиях глобального потепления на Бангладеш или Сейшельские острова (примеры Штомпки)? В «Политике изменения климата» всего пять страниц посвящено последствиям глобального потепления для развивающихся стран. Гидденс – действительно интересный случай. Его глобальная социология делается космополитическим интеллектуалом, снующим из одной страны в другую, но ни одну из них не изучающим глубоко. Даже сегодня, с нашим повышенным национальным и глобальным сознанием, многое в социологии США хотя и пишется без всяких географических референций, пишется в действительности о США; это частное, выдаваемое за универсальное. Открыть, что в этом частном и в самом деле универсально, что может быть универсальным у Гофмана или Гидденса, – это и есть проект глобальной социологии, заключающей в себе трудные и кропотливые исследования.

Позитивистские привязанности Штомпки не только скрывают частное и особое в мнимом универсальном; они еще и приводят его к отбрасыва-

ванию всех частных и особых, т.е. специфически национальных социологий. Вместо того чтобы сделать обзор 43 кейс-стади национальных социологий, он выдвигает собственную воображаемую контовскую социологию королевства Лаилонии. Давайте же сравним пять выделяемых им значений воображаемой лаилонской социологии с реальными национальными социологиями, разбираемыми в книге «Сталкиваясь с неравным миром».

«Первое значение тривиально: социология в Лаилонии, изучаемая и развиваемая в тамошних университетах и исследовательских учреждениях. Это любимая тема скучных “отчетов о трендах”. На этом институциональном и организационном уровне нет большого числа национальных характеристик, ибо благодаря глобализации структуры академических центров по всему миру очень схожи».

Спустимся из позитивистского королевства Штомпки на планету Земля и выясним, что он мог узнать из книги «Сталкиваясь с неравным миром».

Во-первых, развитие социологии в разных странах происходит очень по-разному. Из 192 государств – членов ООН только 55 имеют национальные социологические ассоциации, являющиеся членами МСА. Лишь в немногих из остальных есть активные национальные ассоциации, и это указывает на то, что социология там слабая либо ее вообще нет. Многие страны Африки, Латинской Америки, Азии лишены такой роскоши, как наличие факультетов социологии в их университетах, а в некоторых нет даже и такой роскоши, как университеты. В других случаях социология существует лишь под зонтиком других факультетов. Социология определено не глобализирована.

Развитые капиталистические страны обладают развитой социологией, однако она в них оказывается организованной очень по-разному. В каких-то странах национальная организация очень сильна (например, в США), в других (например, во Франции) существование национальной организации удивительно ненадежно. В каждой стране национальные традиции находят отражение не только в содержании дисциплины, но также в ее внутренних расколах, ее институциональном устройстве, ее ранговой структуре и т.д. Участвуя в Болонском процессе в сфере высшего образования, Испания с ее феодальным порядком выглядит совершенно иначе, чем Италия с ее глубоко политизированным полем, а последняя, в свою очередь, сильно отличается от более гомогенизированного и централизованного участника – Британии. Глубина проникновения социологии в общество тоже разнится, завися не только от продолжительности ее существования, но и, например, от серьезности, с которой ее преподают в средней школе. Во Франции социология пользуется публичным признанием, отчасти потому что входит в программу средней школы, в то время как в США ее часто путают с социальной работой или социализмом. Момент зарождения социологии и его контекст тоже придают форму ее траектории. Так, в Португалии социология достигла зрелости с революцией 1974 г.

и с тех пор поддерживала публичное присутствие. В Турции интерес к социологии оживился в связи с усилением общественных дебатов о национальной идентичности. Япония представляет нашему взору самую двусмысленную из социологий, много заимствующую из США и Германии, но обособляющую себя от всего мира. Эти схождения и расхождения подтверждают то, чего побуждают нас ожидать современные социологические теории – институционального изоморфизма, зависимости от пути, популяционной экологии, ресурсной зависимости, нового класса, – а именно: паттернированной изменчивости в национальных социологических полях.

Переходя к странам Глобального Юга, приходится признать гегемонию северных социологий, поддерживаемую деньгами на исследования, всякого рода грантами, определением учебных программ и учебников, контролем над журналами и т.д. Но даже так вариабельность очень велика и зависит от исторических наследий, а также проникновения рынка и государственного регулирования. Латинская Америка представляет особенно энергичное поле социологии, вскормленное отчасти сотрудничеством в период диктатур и общностью языка. Бразилия доминирует над регионом с централизованной и концентрированной социологией, что очень отличается от фрагментации, которую мы находим в Мексике. Африка гораздо менее расположена к социологии. Колониализм и недоразвитие наложили здесь свой отпечаток, и в значительной части континента университетская система разрушилась. Тем не менее есть яркие островки – например, Южная Африка с ее уникальной социологией, формировавшейся в условиях апартеида, часто в тесной связи с борьбой против апартеида. Как Бразилия доминирует в Латинской Америке, так Южная Африка – в Африке. Изучение отношений между социологиями Севера и Юга или связей между социологиями внутри регионов опирается на социологию доминирования и вносит в нее вклад, проясняя, как одни поля доминируют над другими, которые сами являются местами доминирования, и как сами доминирующие формируются своим доминированием.

Доминирование – не единственный действующий здесь фактор. Индия и Китай схожи в том, что каждая из этих стран доминирует в своем регионе. Однако у них разные наследия. Британский колониализм и его социальная антропология душили развитие индийской социологии, в то время как Мао уничтожил социологию в Китае и она была впоследствии заново изобретена в период реформ, оказавшись под сильным влиянием социологии США. С другой стороны, в Китае до сих пор сохраняется сложная бифуркация между университетами и академией наук, сообща поддерживающими одну из самых динамичных социологий. В России попытка разрушить советское наследие приняла форму приватизации высшего образования, и это увенчалось тем, что социология стала орудием в руках бизнеса, политиков и даже Русской православной церкви; это очень фрагментированное поле с очень немногими оазисами автономии. Не-

смотря на советское доминирование, польским и, в меньшей степени, венгерским социологам удалось сохранить собственные традиции; гораздо труднее это было сделать в таких странах, как Армения и Азербайджан, в которых не было досоветской социологии. Здесь мы видим, как исторические наследия могут пережить паттерны доминирования.

Даже там, где присутствуют силы глобального характера, они всегда перерабатываются в национальном и локальном ключе, что приводит к очень разнообразным последствиям. Так, парные силы, давящие по всему миру на университеты – маркетизация и государственное регулирование, – разными способами сочетаются, вызывая разные последствия. В Египте социология колебалась между коммодификацией и криминализацией, а на Филиппинах страдает от безудержного умножения регулирующих правил. На арабском Ближнем Востоке исход академических работников в «мозговые центры» и НКО ослабил университеты, усилив поляризацию привилегированной элиты, связанной с международными кругами, и тех, кто укоренен в локальном. Скандинавская социология тоже теряет свою автономию, по мере того как вне университетов развивается знание в «режиме 2», подотчетное миру принятия политических решений, а государство изобретает новые формы аудита университетов¹. Иранская социология сталкивается с совсем другой дилеммой, захваченная в капкан, с одной стороны, исламским государством, нацеленным на регулирование ее содержания, а с другой – реактивным соблазном овладеть западными социологиями. Израильская социология, в свою очередь, по крайней мере в ее передовых университетах, не колеблясь видит себя ответвлением социологии США. Здесь социология социологии показывает, что глобализация – не бульдозер, все сметающий на своем пути, и что она вызывает разные реакции, тем самым углубляя национальные различия. Отсюда растущая значимость национальных социологий.

Забавно, что аллергия Штомки на идею национальной социологии не позволяет ему увидеть, как изучение этих национальных социологий может вносить, крупица за крупицей, вклад в более универсальную социологию. Другими словами, универсальная социология не может быть провозглашена философским декретом, но требует усердного труда в виде тщательных и постоянных исследований, охватывающих социологии разных частей мира.

Второй смысл национальной социологии у Штомпки – это социология, которая пишется и публикуется *на лапшонском языке*:

«Но, разумеется, если дело лишь в языке, то тут нет ничего индигенного. Если перевести ее на другие языки, то это будет та же самая со-

¹ Понятие знания, производимого в «режиме 2», введено Майклом Гиббонсом и др. (The new production of knowledge, 1994) и обозначает знание контекстное, проблемно-сфокусированное и междисциплинарное, в противоположность знанию в «режиме 1», которое является академическим, основанным на дисциплине и направляемым со стороны исследователя.

циология. Здесь мы сталкиваемся с псевдопроблемой “империализма” английского языка... Чем быстрее социологи из Лаилонии пишут и публикуются на английском, тем лучше для них и тем лучше для социологии».

Язык может быть псевдопроблемой для Штомпки, но представляет собой реальную проблему для тех, кто хотел бы представить свою работу международным аудиториям. Проблема здесь состоит не только в неравном владении английским языком, но также в потенциальной утрате языкового богатства изучаемых сообществ. Здесь позитивизм Штомпки вновь отлучает социологию от общества, которое она изучает и в котором участвует. Если социологи проводят свое время в разговорах с социологами из других стран на английском языке, то их местные проблемы могут потеряться, их местные аудитории – исчезнуть, а сама социология – стать еще более разжиженной. Такая социология испускает, конечно, дух универсальности, но становится все более истонченной, все более самореферентной и все менее глобальной.

Третье значение национальной социологии – социология *лаилонцев*, туземцев этого королевства. Здесь Штомпка еще раз говорит о глобализации, позволяющей социологам ездить из страны в страну, но забывает при этом, что для большинства социологов это невозможно. Здесь он переходит к вопросу «инсайдеризма», говоря, что Роберт Мертон «убедительно отверг» эту позицию. На самом деле в своей классической работе об инсайдеризме – а это замечательный очерк по социологии социологии – Мертон признает важность инсайдерской перспективы, завершая ее обсуждение следующими словами: «Инсайдеры и Аутсайдеры, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих претензий. Приобрести же вы можете мир понимания»¹. Признав, что для инсайдеров, как и для аутсайдеров, есть своя роль, Мертон был уже далек от элитизма контовского позитивизма.

Но быть может, призыв Мертона к солидарности преждевременен. Прежде чем объединяться, инсайдерам и аутсайдерам, возможно, лучше было бы вступить в диалог, чтобы лучше понять социальную детерминацию их разных перспектив, а также следствия, вытекающие из этих перспектив в свете того, что они втягиваются друг с другом в общее силовое поле. Этот момент хорошо иллюстрируется тонким описанием тайваньской социологии у М. Чанга, И. Чанга и Ч. Танга. Тайваньская социология начиналась с социальных обследований, служивших орудием для японских колониальных властей. После рождения коммунистического Китая (КНР) многие националисты бежали на Тайвань, где создали под руководством Гоминьдана Китайскую Республику. В этот период тайваньская социология была китаизирована, и это отражало попытку Гоминьдана представлять подлинный Китай. Когда в 1971 г. признание Тайваня со стороны ООН было аннулировано, эта идея Тайваня как подлинного Китая отошла на второй план и возник радикальный тайваньский национализм, усугуб-

¹ Merton R. The perspectives of insiders and outsiders // Merton R. The sociology of science. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1973. – P. 99–136. – 1st ed. 1972.

ленный страхом перед материковой частью Китая. Социология развернулась в индигенном направлении, как претензия против КНР, а также против растущей зависимости от Соединенных Штатов. За последние 30 лет движение индигенизации было преодолено. Возникло множество разнообразных институтов внутри и вне университетов, которые сталкиваются с давлениями к получению продвинутых степеней в США и к публикации в высокоранжируемых журналах, но они никогда не бросают заниматься местными проблемами. Даже на этом маленьком острове в социологии развились центр и периферия: первый более космополитичен, вторая – более локальна. Это пример того, что социология есть функция геополитических сил, что различие «инсайдер – аутсайдер» неадекватно и что международная социология заключает в себе гнездовые и связанные друг с другом поля борьбы.

Четвертое значение – социология о *Лаилонии*. «Выскажу тривиальное замечание, что большинство социологов черпают личный опыт и эмпирические свидетельства в своей стране. Но если они остаются социологами о Лаилонии, и только, то они уже не социологи». Если бы мы согласились с этим аргументом, то почти вся социология США не была бы социологией, а почти вся социология с Глобального Юга – была, поскольку асимметричное распределение ресурсов означает, что социологам с Юга приходится принимать Север в расчет, тогда как обратное неверно. На самом деле я бы пошел дальше и утверждал бы, что южная социология благодаря своему подчиненному статусу понимает глобальное общество лучше, чем северная, не сознающая своего доминирования. Штомпка в этом отношении типичен: он видит северную социологию как единственно подлинную социологию, а остальной мир – как ее придаток, призванный поставлять данные для «проверки, фальсификации или расширения» северной теории.

Пятое значение – социология с *лаилонской повесткой дня*. Штомпка признает, что разные страны могут сталкиваться с разными проблемами, но настаивает на обработке их с помощью «стандартного инструментария» социологии и на развитии универсальных теорий. Опять же он настаивает на универсальности теории, приводя в качестве довода аналогию с тем, что мы были бы в реальном замешательстве, если бы врачи имели разные теории в разных больницах. Конечно, как хорошо известно социологам медицины, врачи в разных странах действительно имеют разные теории относительно рака, множественного склероза Альцгеймера и т.д. Более того, как я предположил выше, медицина – неудачная аналогия для социологии, где не может быть единого корпуса теории, но могут быть лишь множественные традиции, или исследовательские программы, внутри стран Севера, а также между Севером и Югом.

Короче говоря, кейс-стади демонстрируют множество национальных социологий внутри все более взаимосвязанного мира. Пока Штомпка глядит на мир из контовской страны Лаилонии, его взгляд ограничен, но

когда он возвращается в родную Польшу, он восстанавливает свою социологическую прозорливость. Так, в докладе, прочитанном в АСА в 2004 г., Штомпка (Sztompka, 2005) перечисляет 20 причин, по которым он и его соотечественники-поляки восхищаются Америкой и одобряют ее глобальную гегемонию. «Америка» – бастион антикоммунизма, образец демократии, страна возможностей и гарант глобальной безопасности. «Америка» обладает привлекательной системой высшего образования, является меккой консюмеризма и, прежде всего, воплощает «борьбу цивилизации против варварства». Я не могу представить, чтобы с таким докладом выступил кто-нибудь из социологов США. Иначе говоря, за Лаилонией стоит Польша, борющаяся против своего коммунистического прошлого, а за Польшей – «Америка», ее путеводный маяк и спаситель. Возрождение Штомпкой контовского позитивизма – это не то, чем оно кажется, а именно социологией из ниоткуда; оно исходит из совершенно реального места в мировом порядке, и это место называется Польшей¹.

Идеология и утопия

Учитывая неподатливость национальных социологий, мы видим два пути к глобальной социологии. Первый путь – взять одну или несколько этих глобальных социологий и просто *навязать их в глобальном масштабе как универсальные*, превратив «другие» национальные социологии в придатки, лаборатории для поставки данных. Это проект Штомпки, и он называет его «слабой» программой в глобальной социологии. Второй путь – принять существование национальных социологий и посредством разговора между ними сделать возможным постепенное и осторожное *появление универсального из глобального*. Это был проект книги «Сталкиваясь с неравным миром», и его Штомпка называет «сильной» программой в глобальной социологии. Но Штомпка, приклеивая эти ярлыки, переворачивает их с ног на голову; ибо именно его программа является сильной, т.е. предполагающей навязывание, в то время как программа предварительная и эмерджентная – это слабая программа.

Курьезное перевертывание Штомпкой сильной и слабой программ глобальной социологии и его идентификация с одной из них, а не с другой, возникают из борьбы, происходившей внутри международной социо-

¹ Я не имею намерения стричь всех польских социологов вместе со Штомпкой под одну гребенку. Его восхищение Соединенными Штатами, которое трудно было бы отыскать среди американских социологов, никоим образом не типично для польских социологов. Даже широкое польское общественное мнение о Соединенных Штатах флуктуировало за многие годы. В 1975 г. «американцы» были пятой по популярности национальностью для поляков, в 1985 г. – шестнадцатой, в 1991 г. – первой по популярности, а в 2010 г. – двенадцатой. См. данные Ясиньской-Кани (Jasinska-Kania, 1991) и польского Центра исследования общественного мнения (Attitude to other nations, 2010). Благодарю Александру Ясиньскую-Каню за помощь в выяснении трендов в отношении к Соединенным Штатам в польском общественном мнении.

логии в последние полвека. Социологическая революция, которая произошла после Второй мировой войны, началась в Соединенных Штатах с реконструкции европейской социальной мысли, представлявшей модернизацию в качестве естественной и неизбежной телеологии. Оказалось, что эта модернизация является американизацией, сформированной в контексте «холодной войны». Особенно самодовольным нарративом было то, что доминировавшие тогда американские социологи напридумывали о конце идеологии, добродетелях американской либеральной демократии и торжестве американского экономического предпринимательства.

Это и есть та Америка, которой восхищается Штомпка. Это также и та Америка, которая наполняла силой восхождение социологии США – как в национальном, так и в международном плане – внутри МСА в первые послевоенные годы. Социальные движения 1960-х годов – студенческие, антивоенные, за гражданские права – бросили вызов этому мессианству, явив новый портрет Соединенных Штатов как оплота внутреннего расизма и внешнего империализма. Социология в целом, а особенно социология США, становилась гораздо более критической по мере того, как ниспровергались ее простодушные допущения. Соответственно, в МСА центр притяжения начал смещаться: в ней росло количество членов с Глобального Юга, избирались такие президенты, как Фернандо Энрике Кардозо, Т.К. Ооммен и Иммануил Уоллерстайн. Социология проникала в новые независимые территории с разными видениями мира, и по мере того как они становились членами МСА гегемония социологии США и Европы все более оспаривалась. Создание журнала «International sociology» в 1986 г. ознаменовало явление незападных социологий, не терпящих существующих конвенций и стереотипов. Этот журнал дал приют первому кругу дебатов об альтернативных социологиях. В то же время исследовательские комитеты, которые всегда были и продолжают быть стовым хребтом МСА, уступили площадку национальным ассоциациям, и это привело к учреждению в 2002 г. поста вице-президента по национальным ассоциациям. Отделение национальных ассоциаций в МСА провело свою первую международную конференцию в 2005 г. во Флориде; второй была Тайбэйская конференция 2009 г. Таким образом, предлагаемое Штомпкой позитивистское видение глобальной социологии как единой и универсальной и исключительно западного происхождения многие годы было в осаде.

Итак, обзор Штомпки выдвигает исчезающую позицию в поле борьбы. В арьергардном действии, задуманном с целью защиты «цивилизации от варварства» и продвижения универсализма в противовес всяким формам партикуляризма, в особенности тем кейс-стади национальных социологий, которые содержатся в трехтомнике, он атакует их попеременно и без разбору то как идеологию, то как утопию, как если бы они были эквиваленты. Он забывает, что Карл Манхейм определяет их как противоположности: если идеология – это консервативное мировоззрение, пытаю-

шееся сохранить *status quo* или вернуться к *status quo ante*, то утопия стремится утвердить новый мир будущего.

В обсуждаемом обзоре Штомпка выступает как идеолог, пытающийся восстановить фиктивное прошлое посредством навязывания глобальному универсального. Он не учитывает эмпирическую реальность и прибегает к фантазийным заявлениям в защиту давным-давно исчезнувшего иллюзорного мира. Рождение универсального из глобального, в свою очередь, является утопией – и здесь я со Штомпкой соглашусь, – видением, которое не может быть полностью реализовано до тех пор, пока мы сталкиваемся с неравным миром, обладающим неравной социологией, и это положение дел вряд ли исчезнет в обозримом будущем.

Позвольте мне прояснить основания и значимость этой утопии. Если исходить из того, что не бывает социологии из ниоткуда (это позитивистская иллюзия), то что должно быть опорной точкой социологии? Моя позиция на этот счет такова, что социология родилась во второй половине XIX в. вместе с гражданским обществом, вместе с ростом профсоюзов, политических партий, добровольных организаций, школ, газет, а все они появились в Европе в ответ на деструктивность рынка. Как экономическая наука принимает точку зрения экономики и экспансии рынка, а политика – точку зрения государства и политического порядка, так социология принимает позицию гражданского общества и защиты коммуникативного действия. Конечно, академические дисциплины – это комплексные поля соперничества с доминирующими и подчиненными группами, но эти определяющие принципы задают повестку дня для дебатов. Это не означает, что социология изучает лишь гражданское общество; она изучает также экономику, государство и т.д., но с *позиции* гражданского общества. XIX век был лишь первой волной маркетизации, вызвавшей рождение гражданского общества; вторая волна в начале XX в. принесла реакцию со стороны государства (социал-демократию, фашизм, сталинизм, Новый курс); теперь нас накрывает третья волна маркетизации, которая находится вне контроля со стороны национальных государств, и противостоять ей может только глобальное гражданское общество. Именно поэтому так важна глобальная социология, выстраиваемая снизу. Но из чего мы можем выработать такую глобальную социологию? Разумеется, есть зачаточные транснациональные группировки, движения, сети, но мы просто не можем отбросить в сторону национальное государство, которое до сих пор во многом фреймирует наши жизни и особенно наши социологии.

Проблемы, с которыми мы сталкиваемся в нашу эпоху третьей волны маркетизации, коренятся в сговоре рынков и государств: государства содействуют рынкам, а рынки содействуют государствам, и это ведет к таким угрозам человечеству, как разрушение окружающей среды, эндемические финансовые кризисы и безудержная коммодификация всего и вся. Так, Тайбэйская конференция началась с обращения тайваньского нобелевского лауреата Юань Ли об опасностях глобального потепления. Как

химик он смог определить проблему и даже обрисовать в общих контурах ее решение, и он призвал ученых мира объединиться вокруг его проекта. Как и другие подобные обращения, его обращение было наивным, поскольку эффекты глобального потепления очень неравномерны, как и предлагаемые решения. Как социологам, нам известно, что мы заброшены в мир с очень разными интересами и что любая попытка объединения представляет собой сложный, неустойчивый и трудный процесс переговоров и разговоров. Реалистическая оценка возможного зависит от социологии социологии, социологии научного сообщества и социологии глобального гражданского общества, которая принимает в расчет государства и рынки. Поскольку наш научный анализ приносит так много плохих новостей, тем более важно использовать нашу науку для того, чтобы держаться утопических возможностей. Как настаивал Макс Вебер, только страстно стремясь к невозможному, мы можем достичь возможного.

Литература

1. Attitude to other nations // Polish public opinion. – Warsaw, 2010. – N 1. – Mode of access: http://www.cbos.pl/PL/publikacje/public_opinion/2010/01_2010.pdf
2. Bourdieu P. The rules of art. – Stanford: Stanford univ. press, 1996. – XX, 408 p. – 1st ed. 1992.
3. Chang Mau-kuei, Chang Ying-hwa, Tang Chi-chieh. Indigenization, institutionalization and internationalization: Tracing the paths of the development of sociology in Taiwan // Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: Council of national associations: International sociological association, 2010. – P. 158–191.
4. Connell R. Southern theory. – Crows Nest: Allen & Unwin, 2007. – 272 p.
5. Giddens A. The politics of climate change. – Cambridge: Polity, 2009. – VIII, 264 p.
6. Jasinska-Kania A. The systematic transformation and changes in Poles' attitudes towards various nations and states // The Polish sociological bull. – Warsaw, 1991. – Vol. 4, N 96. – P. 299–312.
7. Merton R. The perspectives of insiders and outsiders // Merton R. The sociology of science. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1973. – P. 99–136. – 1st ed. 1972.
8. Sztompka P. American hegemony looks different from Eastern Europe // Contexts. – Wash., 2005. – Vol. 4, N 2. – P. 31–33.
9. The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary society / Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. – L.: Sage, 1994. – IX, 179 p.
10. Weber M. The methodology of the social sciences // Trans. and ed. by E. Shils, H. Finch with a new introduction by R. Antonio, A. Sica. – Piscataway (NJ): Transaction, 2010. – XLVI, 210 s. – 1st ed. 1949.

Пер. с англ. В.Г. Николаева